

В Древнем Вавилоне был изобретен один из первых тестов на беременность. Для этого собирались особые травы, а из овечьей шерсти делался специальный тампон, который пропитывали соком, собранных трав. Тампон вводили во влагалище и оставляли на несколько дней. После извлечения его помещали в раствор минеральных солей. Если тампон был красным, то считалось, что женщина беременная, а если зеленый, то – нет.

В Древней Греции акушерки делали выводы, основываясь на анализе объективных признаков, таких как отсутствие аппетита, прекращение менструации, появление тошноты и рвоты, наличие пигментных пятен на лице и тому подобных. Но параллельно использовались и разные нелепые методы, например, перед лицом женщины растирался специальный красный камень, если пыль от камня попадала в глаза женщине, то ее считали беременной. А опытные мастера акупунктуры из Древнего Китая определяли наличие беременности и пол будущего малыша по пульсу женщины.

На Руси во время свадьбы девушке завязывали на шею шерстяную нитку или коротенькие бусы. Если нитка становилась тесной и начинала жать, ее снимали, а молодую женщину объявляли беременной. Современные врачи объясняют появление такого метода тем, что у беременных нередко увеличивается щитовидная железа.

Жительницы Германии пользовались другим методом – нужно было помочиться на еще не распустившиеся цветы. Через три дня следовало оценить результат, если цветы расцвели буйным цветом, значит, женщина ждет малыша, если нет – увы.

Таким образом, в Древние времена существовали методы определения беременности, которые имели свое диагностическое значение.

Белов Г.В., Касымов Ч.Т.

ФРУНЗЕНСКИЙ ЭТАП ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА БОРИСА ЯКОВЛЕВИЧА ЭЛЬБЕРТА

Редакция журнала «Медицина Кыргызстана», Бишкек, Киргизия

Родоначальником научной медицины в Киргизии был величайший ученый медик, лауреат Государственной премии – профессор Борис Яковлевич Эльберт, основавшим здесь в 1937 году первое научное учреждение медицинского профиля – Фрунзенский институт эпидемиологии и микробиологии, а в 1939 – Киргизский медицинский институт.

Целью настоящей работы явился поиск информации, документов, воспоминаний о Фрунзенском этапе жизни Б.Я.Эльберта.

И здесь мы столкнулись с большими трудностями. Как случилось, что такой величайший ученый оказался практически забытым? Ни на одном здании, где он работал, ни на одной кафедре мы нет его имени, па-

мятных фотографий или каких-либо исторических реликвий. Основной архив Б.Я. Эльберта находится в Минске (1), откуда пока на нашу просьбу не ответили. В архивах Кыргызстана мы нашли очень не много: приказы по институту эпидемиологии и микробиологии (2), личные дела других сотрудников института, но не самого директора. Дело в строжайшей секретности, которая сопровождала весь его жизненный путь. Б.Я. Эльберт, оказывается, был одним из отцов бактериологического оружия в СССР. Любители гипертрофированной секретности, до наших дней прячут, вопреки закону, известное – факт подготовки Советского Союза к наступательной биологической войне – секретные папки Российского государственного военного архива (РГВА) пока не доступны исследователям истории медицины, и не только медицины. Сейчас после публикаций в «Независимой газете», журнале «Знание-Сила», Интернет-изданиях стало известно (3, 5, 6), что сразу же после подписания в 1925 году международной конвенции о запрете химического и бактериологического оружия руководство Красной Армии взялась за его разработку. У ОГПУ уже был опыт организации секретных стратегических работ по разным направлениям. Виднейшие ученые (среди них В. П. Глушко, С. П. Королев, А. Н. Туполев, В. А. Чижевский, А. И. Солженицын) объявлялись немецкими шпионами, выдергивались из институтов, получали какой-то срок и направлялись в закрытые учреждения – шарашки. В 1931 году создано Бюро особого назначения (БОН) Особого отдела ОГПУ для разработки наступательного бактериологического оружия (начальник Я. М. Фишман). Для быстрого пополнения контингента они «раскрыли» несколько групп микробиологов («немецких шпионов и террористов»). Директор Белорусского санитарно-бактериологического института, к тому времени известный в мире ученый Б.Я. Эльберт также признан «немецким агентом» и приговорен к 3 годам лагерей (Арестован 5 марта 1931 г. Приговорен: Коллегия ОГПУ 29 января 1932 г., обв.: 69, 76 УК БССР – член к/р вред.орг-ции в сист. Наркомздрава БССР. Приговор: 3 года ИТЛ). Одновременно были вырваны со своих рабочих мест все авторитеты, изучавшие особо опасные инфекции. БОН располагался на острове Городомля на озере Селигер в помещениях Суздальского Покровского монастыря. Одновременно там располагался политизолятор ОГПУ, заключенные которого были подопытными «кроликами» БОН, на которых испытывались эти особо опасные инфекции. Ни кто из испытуемых не смог что-то сказать, передать. Конечно, хранили государственную тайну и привлеченные не по своей воле специалисты – микробиологи. В 1932-35 гг. таким специалистом БОН ОГПУ работал профессор Б.Я.Эльберт, в 1935 году он стал профессором-руководителем так называемой «III испытательной лаборатории наркомата обороны». Жил он в бывшем монастыре с семьей, без права выезда с территории острова (3). В 1936 году был создан штамм пневмонической формы туляремии и живой вакцины «Москва» против

туляремии. Поставленная задача была выполнена. Нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов на политбюро ВКП (б) 22 февраля 1938 г. заявил, что страна готова к ведению наступательной бактериологической войны. Есть сведения, что бактериологическое оружие было применено под Сталинградом. Поздним летом 1942 г. появление в рядах немецкой армии большого числа больных туляремией привело к временной приостановке наступления (9).

Но тогда после выполнения проекта у его участников было два пути: директор БИХИ-БОНа Фишман Я.М. и профессор С.М. Никаноров были расстреляны, профессоров Б.Я. Эльберта и Н.А. Гайского оценили более высоко, ведь они могли еще быть полезными в создании оборонительного бактериологического оружия в преддверии надвигающейся войны. Но оставлять в центре России было опасно, и они были отправлены в почетную ссылку: Гайский в Ашхабад, Эльберт во Фрунзе.

Перед профессором Эльбертом была поставлена задача – организовать институт микробиологии и эпидемиологии. Полномочия ему дали большие: в кадровые вопросы не вмешивались, назначили высокую зарплату 2 тысячи рублей отдельным договором с Наркомздравом Кирг ССР. Это были очень большие деньги. Например, Чкаловцы – участники перелета через Северный полюс в Америку получил за свой подвиг в то время по 10 тысяч рублей. Как вспоминал потом Герой Советского Союза Байдуков, каждый вышел на Красную площадь с большим мешком денег. В 1946 г. за Сталинскую премию Б.С.Эльберт получил 50 тысяч рублей. В распоряжение профессора Эльберта в январе 1937 года выделен легковой автомобиль, по тем временам невиданная роскошь. Т.И. Прорешная, возглавившая институт микробиологии после Эльберта в 1945 г., пользовалась лишь директорской бричкой.

За создание института Борис Яковлевич принялся с удивительной энергией и упорством. Были подобраны четыре корпуса под институт, в том числе в самом центре Фрунзе по Киргизской 35, где сейчас находится правительственная площадь. Уже через несколько месяцев институт был оснащен лабораторным оборудованием, выделены животные для вакцинации, фураж. Труднее было укомплектовать институт кадрами, а их в Среднеазиатских Республках практически не было. Профессор Эльберт ставит ставку на подготовку собственных кадров. В мае в 1938 г. организует курсы лаборантов микробиологов, в сентябре состоится выпуск врачей бактериологов. Основную учебную нагрузку профессор берет на себя. Из Ашхабада приезжает для чтения лекций его товарищ профессор Николай Акимович Гайский. К концу первого года существования институт начал выпуск одиннадцати бактериальных препаратов. Институт проводит вакцинацию населения, противоэпидемические мероприятия по всей республике (республиканской санэпидстанции в то время не существовало),

ведет санитарно-просветительскую работу, выполняет гигиенические обследования, и даже судебно-медицинскую экспертизу.

На следующий год профессору Б.Я. Эльберту поручается организовать Киргизский медицинский институт. Решение об открытии медицинских вузов в союзных Республиках принято постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 23.06.1936 г. (о работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школы). Но решение решением, а признанного лидера, способного привлечь и объединить ученых – врачей различных специальностей не находилось. Взявшись за организацию медицинского института, профессор Эльберт едет в Москву, Ташкент, в другие крупные города, ведет переписку со многими коллегами, приглашая знакомых на «научную» целину. Привлекает врачей, выброшенных после убийства Кирова из Ленинграда и разбросанных по югу СССР (как на пример, известный патологоанатом – профессор Б.М. Малышев). Уговаривает многих профессоров евреев поддержать его начинания (среди них такие известные ученые как А.Д. Слоним, И.Г. Мардерштейн). Сотрудники его санитарно-бактериологического института, преподают в медицинском, возглавляют некоторые кафедры. Готовит первый номер журнала «Советское здравоохранение Киргизии». Он решал вопросы помещений, клиник, учебных программ различных дисциплин. Все это в тесном контакте с Наркомом здравоохранения Кирг.ССР Лобынцевым С.К. Наладив учебную работу, профессор Эльберт в 1941 г. сосредоточился на производственной программе изготовления бактериальных препаратов для РККА. Было ясно, что надвигается война. Институт превращается в большой режимный завод, располагающийся на четырех территориях. Профессор Эльберт очень требователен к себе, и устанавливает высокую производственную дисциплину. В наших руках книга приказов по институту за 1940 г.. Видно, что профессор Эльберт даже сам контролирует работу ночных сторожей, объявляя выговоры тем, кого он застал спящим на дежурстве. Но основное время он посвящает учебе, подготовки собственных кадров.

С начала войны задачи, поставленные перед институтом, усложняются: институт выпускает 22 бактериальных препарата, это столь необходимые в военные условия противостолбнячная сыворотка, бактериофаги, антитоксины, при чем в миллионных дозах. В 1942 г. для увеличения их производства открывается филиал института в Пржевальске. Для производства сывороток требуются сотни лошадей и коров, сено, корма, помещения. Все это успевает контролировать профессор Эльберт. На фронт уходят многие сотрудники института, проводится обучение принятых на их место людей. С другой стороны в Бишкек эвакуируется Харьковский и Ленинградский мединституты. Профессор Эльберт трудоустраивает в себе институт по совместительству таких светил жизнь во Фрунзе, не смотря на военные трудности, кипит, издаются статьи, монографии, защища-

ются кандидатские и докторские (Иванов И.И., Кеворков Н.П.) диссертации.

В этот Фрунзенский этап жизни профессор Эльберт полностью реализовал себя как организатор, ученый, педагог. Очевидно, сознавая ответственность за создание наступательного бактериологического оружия в предыдущий закрытый этап своей деятельности, у нас он неистово и самоотверженно стремился применить свои знания и опыт в профилактическом направлении, и это помогало ему сбросить груз с сердца. Своими переживаниями он мог поделиться разве что с самыми близкими ему людьми, например его старый знакомый по 20 годам работы в Минска – директор Белорусского института ортопедии и травматологии Моисей Наумович Шапиро, эвакуированный во Фрунзе и назначенный зав. кафедрой госпитальной хирургии Киргизского мединститута, одновременно главным хирургом эвакогоспиталей Киргизии и заместителем наркома здравоохранения Киргизской ССР, о чем, можно узнать из воспоминаний его внуки (4).

К концу войны потребность в бактериальных препаратах спала, планы института уменьшились, и профессор Эльберт уехал в Ростов, а затем на родину в Минск, где предстояло возобновить любимую работу на освобожденной территории. То уже была другая жизнь, тоже очень плодотворная, но уже более-менее безоблачная после реабилитации (реабилитирован 27 июля 1956 г. Судебная коллегия ВС БССР).

Рис. 7. Б.Я. Эльберт в последний приезд в Киргизию (1963 год)

Добрые отношения со своими коллегами из Кыргызстана Б.Я. Эльберт сохранил до последнего года жизни, за несколько месяцев до смерти он приезжает во Фрунзе. В своем письме заместителю Министра здравоохранения Киргизской ССР от 9 мая 1963 года он пишет:

«Годы, проведенные мной в Киргизии (1937-1945 гг.), скажу без преувеличения, были лучшими в моей жизни. Пользуясь доверием ЦК партии и Правительства республики и выполняя указанные мне задачи в области подготовки национальных кадров врачей и санитарно-эпидемиологических мероприятиях, я всей душой был отдан этому делу, особо сложному в течение Великой Отечественной войны. Нигде – ни до, ни после работы в Киргизии – я не имел такой возможности проявить инициативу, как у Вас на родине, которая стала и для меня родной и близкой.

Искренне уважающий Б.Я. Эльберт».

Литература:

1. Архив ГМ БССР, № 19459, 30 ед. хр., 1915-1963.
2. Архив Киргизского НИИ эпидемиологии и микробиологии. Опись 1, инвен.4, связ.1.
3. БОН – “Бюро особого назначения” в Суздальском Покровском монастыре в 1930-х годах. <http://www.suzdalhotels.ru/bon.htm>
4. Левитман Е. Семейный альбом // Историко-публицистический журнал «Мишпоха-А». 1995 – 2009 г. Выпуск 4. mishpoha.org/library/05/0501.html
5. Пастернак А., Рубникович О. Тайна «Покровского монастыря». Кто и когда начал разработку бактериологического оружия в СССР? – // «Независимая газета». 17 ноября 1992 г.
6. Химбат: Суздальский Покровский монастырь – Биохимический институт. himbat.ru/forum/viewtopic.php?t.

Белявина В.Н.

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» Минск, Беларусь

Санитарные потери российской армии в годы Первой мировой войны были колоссальны. Общее число раненых за время войны доходило почти до пяти миллионов человек. Если же учесть все случаи ранений, не требовавших эвакуации, то число раненых возрастает до ½ численности всех мобилизованных.

16/3 сентября 1914 г. приказом по военному ведомству было учреждено «Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной